

План «Б»

(Excerpt in Russian)

Translated by: Tatjana Žarova

Contact of the translator: vantanj@bk.ru

ПЕРЕДНЯЯ ЛИНИЯ ФРОНТА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

«В нашем распоряжении имеется вся информация и орудия. Мы должны только встряхнуться и измениться.»

Грета Тунберг, экологическая активистка

Сколько раз – себе и близким – я обещал, что многолетний период военного корреспондента у меня позади. Начиная, я был одним из самых молодых. А когда понял, что с меня хватит, то оказался одним из старичков. *Лишенный* иллюзий, по горло сытый следующими и наслаивающимися одна на другую трагедиями, озлобленный, подавленный, без всякого запаса прочности, остро необходимой для жизненного равновесия. Работая в горячих точках, полон иллюзий и идеалов, я потерял нескольких друзей и знакомых, а также растерял основную часть «фишек». Свобода выбора, это относится и к альпинистам, может оказаться судьбоносной привилегией.

Хватит, твердил я ей. Себе. И другим. Вместе с тем я стремительно терял веру в силу своей профессии. Журналистика никогда не была для меня работой, начиная с шестнадцати лет и потом это был стиль жизни. Жизнь как таковая. Вследствие этого мне было еще труднее принять тот факт, что наша – а вместе с тем и моя – работа во времена (а)социальных сетей и разгула запальчивых, быстро усваиваемых мнений, основанных на скудных знаниях и опыте наряду с патологически рассеянным вниманием, настолько стремительно и необратимо теряет свою общественную роль. Не из-за утраты роли «летописца истории в первой инстанции», которая принадлежит корреспондентам с места событий, а из-за уничтожающих последствий, которые несет с собой диктатура ничто.

Мы вступаем в общество *постфактума*, в котором мы, журналисты, – а более всего это относится к ученым – лишились своего положения и некоторым образом лишились и гражданства. Мы стали интеллектуалами без гражданства. Но не следует забывать, что все цивилизации – и *трайбализмы* – зиждутся на фикции. Коллективная ложь, которую

можно перевести как рассказывание сказок, вероятно, обусловлена эволюцией. Очевидно, мы возвращаемся к корням. Там для журналистов (и фактов) нет места.

На самом-то деле его никогда и не было.

Да, я верил, долго верил, что журналистика может изменить мир к лучшему. Не раз, прежде всего в том, что случалось со мной, у меня возникало ощущение, что это удалось даже мне. Однако отдельные истории о возможных изменениях все больше (у меня) тонули в «большой картинке». Если твоя работа не приносит непосредственной отдачи, то это лишь наблюдение с участием = ego safari.

Войны, о которых я вел репортажи, стали константой – превратились в *состояние*.

Беженцы, судьбам которых за последние полтора десятка лет я посвятил большую часть своей работы, в глазах Словении и Европейского союза на волне возрожденного расизма, ксенофобии и все больше фашизма, превратились в ядерные отходы. И – гнусное преступление – в оружие политической борьбы.

Открытое, свободное общество, которое должно было бы развиваться вокруг нас, испещрено заборами, колючей проволокой, новыми (старыми) границами, окопами, сторожевыми вышками, паравоенными формированиями...

Идеологические размежевания усилились. Историческая память, уже сама по себе селективная, превратилась почти в труху. История переписывается *заново*.

Боль ближнего в лучшем случае перешла в разряд категории бизнеса. Буквально общественный капитал.

Остатки этической субстанции растворились вместе с эмпатией, фундаментом и ключом рефлексии. Стыд и чувство вины спрятаны в стратегических окопах анонимности. Преобладают рефлексы; *неконсеквативность*. Игра до первого гола. Как будто завтра больше не будет восхода солнца.

Трудно (было) сохранять мотивацию.

Осенью 2016 года, устав от порядочно наскучивших репортажей на (вечные) темы, по возвращении из Мосула, где наблюдал за жестким противостоянием иракских правительственных сил с самопровозглашенным Исламским государством, я почти

решил, что начну заниматься чем-то другим в своей жизни. Не только тем, что тематически и по жанру относится к журналистике. Я в принципе хотел уйти от журналистики, от своей религии.

Конечно, мне и не снилось, куда, а также что бы это могло быть.

Даже приблизительно.

Я мог бы перечислять до бесконечности. О шестом массовом вымирании видов – как бесспорном результате «жизнедеятельности человека»: в настоящее время на Земле живет вдвое меньше диких животных, чем в 1970 году, общее число людей составляет 30 процентов от общей доли всех позвоночных, 67 процентов составляют одомашненные животные, а дикие позвоночные вместе взятые составляют лишь 3 процента от общей доли. О гибели большого австралийского кораллового рифа¹ и исчезновении 80 процентов всех насекомых. О губительном потеплении океанов: по данным *Journal of Mathematical Biology* за 2015 год, в случае если потепление океанов будет продолжаться с той же скоростью, к 2100 году «фитопланктон прекратит вырабатывать кислород, поскольку процесс фотосинтеза станет невозможным, что, скорее всего, вызовет массовую гибель животных и людей». О явлении, когда Маршалловы острова, Тувалу и Кирибати уже уходят под воду, а на побережье, одной из основных линий климатических изменений, живет около 40 процентов населения планеты. О лобби ископаемых видов топлива, «черном холокосте». Об изменении морских течений. О возрастающих выбросах углекислого газа в атмосферу (на момент написания статьи 418 частиц на миллион). О белых медведях, которые находятся в исчезающем естественном ареале обитания, плавают за раз по двести километров и вынуждены охотиться на... белугу. О ТЭЦ в Шоштане². О том, что цена последствий для мировой экономики в 2018 году составила 1,2 триллиона долларов – приблизительно 1,6 процента глобального ВВП. О пышном весеннем цветении в январе месяце высоко в Альпах. О Дональде Трампе. Об экологических беженцах, людях и животных, которые таким драматичным и трагическим образом станут отличительной чертой *ближайшего* будущего, и которые, если только быть чуть-чуть, действительно, чуть-чуть повнимательней, уже драматическим и трагическим образом определяют наше

¹ Большой Барьерный риф

² Шестой блок ТЭЦ в Шоштане и выявленные финансовые нарушения при строительстве

настоящее: по данным Мирового банка за 2018 год, до 2050 года в Азии, Африке и Латинской Америке из-за последствий климатических изменений 143 миллиона человек вынуждено будет покинуть свои дома. О мире, страдающем от засухи. О мире, который станут определять «войны за воду». О пандемии голода: по данным Всемирной организации здравоохранения, в настоящее время в мире недоедает 265 миллионов человек. Вдвое больше, чем год назад. До пандемии Covid-19, которая остановила большую часть мировой экономики.

О мире, который мы знали, и который быстро исчезает у нас на широко закрытых глазах. О новом, существенно менее демократичном менее открытом мире.

Да, я мог бы перечислять до бесконечности, цитировать десяток ученых, приводить сотни цифр и данных, перечислять лица, подкреплять фактами, объяснять то, что должно было бы понятно любому третьекласснику (многие третьеклассники о последствиях изменения климата, наверняка, знают гораздо больше своих родителей и их родителей). Однако, боюсь, любое перечисление фактов излишне. Обо всем было сказано бесчисленное число раз; отзывчивость, огромная жертва настоящего времени, дышит на ладан. Наука – относительно изменений климата – понятна. И единственно наука обладает компетентностью. С другой стороны, для того, чтобы остановиться, *мессианство*, быть может, и запоздало. Убеждение убежденных, как научила меня журналистская карьера, этический грех. (Не только) из-за потери времени.

Последствия изменения климата воспринимаются в большей части первого мира – в том числе (или особенно) в географически и климатически привилегированной Словении – как нечто, что происходит с *другими*. Нечто, что не угрожает нам – по крайней мере, *не напрямую* и экзистенциально. Нечто такое, на что мы едва сможем ответить. Нечто такое, к чему нас эволюция (пока) не подготовила. Нечто такое, что локальная и глобальная политика, действующая на двигателе текущих или уже давно отработанных идеологических кодов, по большей части игнорирует – если даже не отрицает. Нечто такое, что непрерывно – в целом смертельно – ухудшается из-за бесконечной прибыльности ископаемых видов топлива, и, соответственно, для их производителей, ключевой причины глобального потепления. Нечто такое, что разделяет вместо того, чтобы нас объединять, поскольку под знаком выживания вида – и видов – мы попросту не можем себе больше позволить оставаться безучастными.

Это нечто такое, что имеет место здесь и сейчас.

Вместо того, чтобы жонглировать цифрами и фактами, а также рисовать апокалиптические картины, мы с Матьяжем решили в этой книге показать сообщества и отдельных личностей, которые – насколько это возможно – успешно борются с климатическим кризисом. Сообщества и отдельные личности, которые не поддались общему равнодушию, напыщенности и безразличию, а также в лучшем случае ожиданию (со стороны) *спасителя*. Сообщества и отдельные личности, которые действенно и смело выступили на передней линии фронта человечества и начали менять свой образ жизни. Сообщества и отдельные личности, которые всем нам – то есть, человечеству – предлагают знания, энергию (в буквальном смысле), опыт и, конечно, технологию, с помощью которой при полной местной, региональной и глобальной поддержке, остановили последствия климатических изменений.

От Тилоса, первого острова с энергетическим самообеспечением в Средиземноморье (солнце и ветер), до устремленной в использование геотермальной энергии и в целом в будущее Исландии. От многообещающего развития энергии моря (волны, приливы) на Оркнейских островах на северо-востоке Шотландии, где с помощью излишек электроэнергии производят «зеленый» водород, до австрийского округа Гюссинг, который уже четверть века назад пошел по пути самообеспечения энергией (биомасса) и при этом наряду со взлетами и падением стал одним из главных центров развития технологий развития и производства возобновляемых источников энергии.

От швейцарской компании *Climeworks*, развивающей технологии по откачиванию углекислого газа непосредственно из атмосферы и частично преобразованию его в горные породы в Исландии, а также часть используют в промышленности (в производстве напитков и теплиц), до скандинавских деревень, которые сами себя обеспечивают. От протяженного пути каждого грамма лития с боливийских месторождений до китайских заводов электрокаров и революции электрической мобильности в Норвегии, а также водорода как альтернативного топлива. От мусоросжигающих заводов в Осло, которые улавливают углекислый газ, возникающий при сгорании, и на государственном уровне собираются его уже очень скоро хранить в геологических породах в подводных хранилищах, где когда-то находилась нефть и природный газ, до людей, отдельных личностей и сообществ, стоящих за всеми этими и

многими другими проектами, которые громко и ясно во весь голос взывают, что нам никоим образом нельзя – несмотря на ужасающее влияние пандемии на местное, региональную и глобальную экономику – нельзя терять надежды.

Это чрезвычайно трудная задача.

Это будет чрезвычайно трудной задачей.

И если мы не справимся, она станет также и последней.

Действительно, трудно поверить, что – здесь и сейчас – еще можно предотвратить катаклизм или хотя бы смягчить его и в лучшем случае отложить на неопределенное время. Человечество, в частности, все же чередой геноцидов, экоцида, войн(ы), расизма, демонстрации силы, насилия, стяжательства, фиктивной идентичности... После целых двух десятилетий репортажей из всевозможных кризисных точек, с места совершения преступлений человечества, а также при подробном знакомстве с действием глобальной политики и экономики, а прежде всего, зная человеческие нравы, мои поиски надежды на возможность нашей совместной борьбы с климатическим кризисом и нашим образом жизни на грани когнитивного диссонанса. Переведено: ежедневные поиски (профессионального) смысла.

«Писатель не обязан давать читателю надежду. Единственная его обязанность – это искренность. Тем не менее, я хочу, чтобы те, кто возьмет в руки эту книгу, знали, что у ее автора сознательная позиция и он не опустил руки. Если бы он таковым ни был, то не взялся бы за это писание», - записал в своей новой книге легендарный экологический активист и писатель Билл МакКиббен.

Лучше я бы и не мог выразить согласия с ним.

Там за бортом есть люди и сообщества, которые в то же время – четко – преодолевают цинизм, собственный страх и неуверенность. Ищут, как говорится, решения. И в дополнительное время, несмотря на большое отставание, продолжают бросаться под ноги и играют «по полной».

И так будет до последнего свистка судьи. Это книга об этих сообществах и об этих людях.

Надежда – это не то, что умирает последней.

Однако.

Из-за пандемии несколько месяцев казалось, что мир стоит на месте. Так сказать, все сообщения в прессе – и общение между людьми – были, так или иначе, связаны с вирусом и его последствиями для страны, общества, системы здравоохранения, экономики, образования, спорта, культуры для тебя/ для меня. Такого одностороннего движения и ограниченного восприятия поколения, рожденного после Второй мировой войны – в том числе в тоталитарном обществе, – еще не было. Последствия изменений климата в это время воспринимались лишь как шорох. Почто что экзотика.

Одна тема. Ограничение передвижения. Клаустрофобия в ментальном инцесте. Всеобщая и индивидуальная тревожность. И вопреки или же как раз благодаря этому, так ужасно вводящее в заблуждение ощущение подлинности в центре мира: потому что эпидемия вируса происходит со всеми нами, с тобой и со мной. Прежде всего, с тобой и со мной. Это, наряду с отсутствием информации о том, что происходит в мире, а также целиком и полностью авторитарно обусловленных новых (старых) границах и с повсеместным попранием прав человека «во имя здоровья», убивает остатки эмпатии и подрывает гуманистические ценности.

Большая часть мира за несколько месяцев сузилась до размеров квартиры и экрана компьютера и мобильного телефона. В локальном и глобальном, личном и коллективном карантине все еще больше обострилось. До крайней степени; мы для самих себя стали новостью. И это в наиболее трудное для эмпатии время эпидемического нарциссизма, время реалити шоу, время *селфи*, а не самости.

Локальные и глобальные «короны» еще долго будут оставаться главной темой. И центром внимания. Кризисные очаги, войны, последствия изменения климата, природные катаклизмы, обрушения экономики и геостратегические потрясения, которые уже громко стучат в наши двери, будут лишь побочными темами. *Рекламная строка*. Эта мысль заставляет меня содрогнуться.

